

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 и 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщѣе и отверзется. I.—2) Опроверженіе ложнаго извѣстія.—3) Состояніе Н. Г. Чернышевскаго (корреспонденція «Вольнаго Слова»).—4) Документъ относительно жепскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ.—5) Земскій голосъ изъ недавняго времени.—Отъ редакціи.—Ближайшія задачи земства.—6) Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. V. З. С.—7) Польскій проэктъ все-російской политической реформы. (Окончаніе). X. С.—а.—8) Кладезъ оффиціальной учености (Народное хозяйство Россіи. В. Безобразова). П. С.—9) Рабочій день и фабричное законодательство. (Окончаніе). В. Г.—10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VII. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева.

ЖЕНЕВА 1 марта 1883 г.

Печатаніе въ нашей газетѣ статьи «Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ» уже настолько подвинулось, что читатель можетъ видѣть ясно основную ея идею. Статьи доказываютъ до безспорности, что земскія учрежденія, поставленныя въ ненормальныя отношенія и къ населенію, и къ администраціи уже по самому Положенію 1864 г., чѣмъ дальше, все больше приводились бюрократіей въ невозможность работать на пользу населенія. Естественно является вопросъ о причинѣ такого положенія учрежденій, которыя должны представлять само населеніе нашихъ провинцій, — а также о томъ, гдѣ же выходъ изъ этого положенія?

Съ своей стороны, уже въ 53 №-рѣ, при началѣ печатанія названной статьи, мы указали на причины неуспѣха земскихъ учрежденій, — а именно на ихъ исключительную «хозяйственную» постановку и не только ихъ отдѣльность отъ провинціальной администраціи, но и на ихъ подчиненіе ей, а также на необезпеченіе ихъ общегосударственнымъ представительствомъ, — и тѣмъ самымъ указывали и выходъ изъ теперешняго неудовлетворительнаго положенія, какъ земскихъ учрежденій въ частности, такъ и всей Россіи. Съ нашими мыслями въ сущности согласенъ и тотъ «Земскій голосъ», который читатель найдетъ въ настоящемъ №-рѣ. «Голосъ» этотъ представляетъ одно изъ первыхъ проявленій мысли — сдѣлать нѣмѣшніе земскія и городскія учрежденія, крайне неудовлетворительныя, но все таки единственныя въ Россіи всесоюзныя представительныя собранія, «базисомъ» для агитаціи въ пользу политическаго преобразованія всего государства.

Сегодня мы не будемъ пускаться въ изложеніе практическихъ пріемовъ подобной агитаціи, между прочимъ и потому, что это одинъ изъ вопросовъ тактики, о которыхъ всего менѣе прилично говорить людямъ, пребывающимъ за границей. Мы коснемся только самой общей стороны этого дѣла, а именно — необходимости подобной агитаціи для тѣхъ, кто желаетъ какого бы то ни было улучшенія въ нынѣшнемъ невозможномъ положеніи мѣстной администраціи и земскаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, — откуда же можетъ прійти это улучшеніе, какъ не отъ радикальнаго измѣненія администраціи мѣстной и центральной? Въдѣ земскія учрежденія болѣе десяти лѣтъ ходатайствовали объ улучшеніяхъ детальнѣхъ, самыхъ скромныхъ, — и какъ же имъ отвѣчало правительство: — чиновники и глава государства? Какія же основанія можно имѣть къ надеждѣ, что эти послѣдніе вдругъ, ни съ того — ни съ сего, измѣнятъ свое поведеніе? Развѣ теперь не повторяется на великіе лады представителями правительства, что реформы и такъ было слишкомъ много сдѣлано въ предъидущее царствованіе, — не смотря на то, что большая часть этого царствованія проведена была въ застоѣ и въ морчѣ разъ уже сдѣланныхъ реформъ, изъ которыхъ ни одна не была сдѣлана искренно и послѣдовательно?

Но, обращаясь даже къ этимъ реформамъ, къ условіямъ, при какихъ онѣ были даны, мы увидимъ, что и онѣ произведены были далеко не по одной инициативѣ правительства, по его доброй волѣ и его пониманію нуждъ страны, но и подъ вліяніемъ давленія общественной агитаціи*). Большие всего инициативы правительство, иначе Александръ II, обнаружало въ реформѣ крестьянской. На сколько тутъ было личной инициативы Александра II, теперь сказать еще трудно людямъ, не посвященнымъ въ секретныя жизни династій Романовыхъ. Но извѣстно, что въ секретныхъ комитетахъ, какіе учреждались при Николаѣ I по крестьянскому дѣлу (въ 1846 и 1848), Александръ Николаевичъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, равно какъ и то, что онъ, и будучи еще наслѣдникомъ, и уже царемъ, выступилъ противъ инвентарныхъ проэктвъ Бибикова въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также и то, что, тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра II, по его приказанію былъ изданъ Мпп. Вп. Дѣлъ циркуляръ, заявлявшій волю государя «ненарушимо охранять права, вѣщественными его предками дарованныя дворянству» (20 авг. 1855 года). Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (30 марта 1856 г.), Александръ II произнесъ извѣстные слова московскимъ дворянамъ: «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу».

Что произвело подобную перемену въ понятіяхъ Александра II? Повторяемъ, вполнѣ точно отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще трудно. Можно, впрочемъ, съ достовѣрностью предположить личное вліяніе на императора В. Кн. Елены Павловны, короля прусскаго и бар. Гакстгаузена, убѣжденія которыхъ тѣмъ болѣе могли на него подѣйствовать, что севастопольская война показала необходимость военной реформы въ Россіи на прусскій манеръ, а эта реформа не была возможна при крѣпостномъ правѣ (замѣтимъ, что изъ всѣхъ реформъ военная проведена была въ Россіи наиболѣе послѣдовательно, что, очевидно, указываетъ на особое къ ней вниманіе самодержца); затѣмъ фраза объ отмытѣ крѣпостнаго права сверху и снизу показываетъ, что на Александра II произвели впечатлѣніе и крестьянскіе бунты 1855 года (особенно кievскій и воронежскій), бунты, конечно, слишкомъ слабыя, чтобы непосредственно заставить власть припяться за реформу, но которые, при тогдашнемъ настроеніи части общества, подготовленной внутренней и заграничной литературной агитаціей въ пользу реформы, были достаточною поддержкой для этой агитаціи.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

*) Вообще не желая унижать Александра II только потому, что онъ былъ царь, мы тѣмъ не менѣе считаемъ справедливымъ и полезнымъ опредѣлить настоящую степень его инициативы въ дѣлѣ реформъ 60-хъ годовъ, между прочимъ и въ виду страннаго пріема, какой теперь употребляется недальновидными либералами въ русской печати и который состоитъ въ безмѣрномъ восхваленіи покойнаго царя-реформатора. Кого можно прельстить или обмануть этимъ пріемомъ? Общество же этимъ не подвигнется.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

9 декабря 1857 г. одного видного в московском обществе лица к издателю «Колокола» с следующими словами, которые вполне верно передают тогдашнее настроение общества и в частности сколько нибудь образованных дворян, не исключая и крепостников:

«Теперь в России всё и все ждет эмансипации. Самые рьяные из помещиков при-смёрзли. При этом случаю сообщу и свой вчерашний разговор с Н. В., у которого несколько тысяч душ, который часто охотится с царем и что-то в родъ Гофмаршала при дворе: «Крестьян освободить, — прекрасно! Откладывать больше нельзя; стало, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ну, а потомъ? Освобожденные мужики станут казенными; ну, а казенные? Останутся тѣмъ, чѣмъ были? Ну, а мы, дворяне? А купечество? Прекрасное, необходимое дѣло эмансипация; но этого мало. Для России и для насъ всѣхъ нужны права, гаран-тии. Вотъ куда долженъ гнуть Герценъ. Не Берингъ и не Закревскій *) главное; разумеется, это свиньи; кто же у насъ этого не знаетъ? Главное то, что Б. и З. возможны. А отъ чего возможны? Отъ того, что нѣтъ общественаго мнѣнія. А отъ чего его нѣтъ? Отъ того, что мы всѣ, и мужики, и дворяне, всѣ живемъ въ полномъ беззаконіи. Вотъ о чемъ Герцену слѣдуетъ долбить безпрестанно».

Результатомъ такихъ соображеній, а также, конечно, и раздраженій помещиковъ противъ правительства, поднявшаго вопросъ объ этомъ освобожденіи, была между прочимъ та агитация въ дворянствѣ въ пользу реформы суда и администраціи на началахъ общественнаго самоуправленія, которая проявилась среди депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и въ дворянскихъ собраніяхъ 1858—1860 гг. и о которой упоминалось въ 53 №-рѣ «Вольнаго Слова».

Въ этихъ собраніяхъ и «либералами» (какъ тогда звали сторонниковъ крестьянъ) и «крепостниками» (которые, впрочемъ, не выступали уже противъ самаго принципа освобожденія), произносились рѣчи и предлагались адреса, въ большинствѣ которыхъ, правда, заявлялась (искренно или нѣтъ, — другой вопросъ) мысль о ненарушимости царскаго самодержавія — (и въ этомъ слабая сторона этихъ рѣчей и адресовъ) — но въ которыхъ рѣшительно осуждался бюрократическій строй и высказывалось желаніе реформъ, которыя бы избавили Россію отъ бюрократическаго произвола, а равно и опасенія, что, при сохраненіи этого послѣдняго, и эмансипация крестьянъ не послужитъ къ дѣйствительному улучшенію положенія даже этихъ послѣднихъ. И справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи предсказанія даже самыхъ мрачныхъ крепостниковъ вполне оправдались послѣдующими временами **).

Самодержавный царь, естественно, принялъ сторону бюрократіи и былъ сильно недоволенъ этими адресами и рѣчами. На адреса 1858 года (о введеніи гласнаго суда и другихъ реформъ) имъ не дано было от-

вѣта, или же получились отвѣты, что просьбы дворянства несвоевременны или неумѣстны. Но такъ какъ агитация не останавливалась, то и правительство должно было уступить. Правда, съ согласія царя приняты были мѣры противъ нѣкоторыхъ лицъ, болѣе рѣзко выступившихъ противъ бюрократіи, — а именно противъ тверичей Унковскаго и Европеуса, которые были высланы безъ суда въ камскія губерніи, и Головачева, который отданъ былъ подъ судъ, — по все таки правительство не осмѣлилось пойти противъ самыхъ принциповъ требованій дворянскихъ представителей и собраній. Министръ вн. дѣлъ говорилъ г. Унковскому, что «всѣ реформы, о которыхъ просятъ депутаты (свобода крестьянъ съ немедленнымъ выкупомъ, общественное выборное хозяйственно-распорядительное управленіе, независимый и гласный судъ съ присяжными, подсудность ему чиновниковъ, свобода печати), уже совершаются самимъ правительствомъ». Самъ Александръ II былъ сильно недоволенъ, когда въ 1860 году петербургское общество подало ему адресъ, въ которомъ высказалось за сохраненіе выборнаго начала въ земской полиціи, по съ расширеніемъ его въ всеобщемъ духѣ, — «для развитія подъ покровомъ самодержавной власти, издревле существующаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправления». — Особенно не понравилось самодержцу слово «самоуправленіе», но онъ не рѣшился рѣзко выразить дворянству свое неудовольствіе, — а только «съ нѣкоторымъ неудовольствомъ», выразилъ депутатамъ, что если дворянство вѣрнѣе, какъ оно пишетъ, государю, то затѣмъ адресъ оказывается излишнимъ». На другой же день, пріема государемъ депутатамъ губернскіе и уѣздные предводители были приглашены къ обѣду у наслѣдника, отъ котораго имъ были оказаны всяческія любезности. Обѣдъ долженъ былъ вознаграждать дворянство за дурной пріемъ ихъ адреса. (Матер., II, 324—325).

Изъ всего, что мы до сихъ поръ знаемъ, видно, что Александръ II сильно боялся дворянской оппозиціи, — боялся и придворной аристократіи, которая могла, по его мнѣнію, распорядиться съ нимъ, какъ съ Павломъ I, (въ к. 50-хъ годовъ въ высшемъ обществѣ въ столицахъ ходили слова Александра II, что онъ «рѣшился провести освобожденіе крестьянъ, даже если бы ему пришлось пожертвовать для этого жизнью»), — боялся онъ и конституціоннаго движенія въ массѣ образованнаго дворянства, — а потому, употребляя всѣ мѣры и уловки къ тому, чтобы сохранить самодержавіе, чтобы помѣшать организаціи дворянъ во что либо цѣлое, даже въ видѣ одновременнаго собранія депутатовъ отъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ по кр. дѣлу, — онъ все таки не считалъ возможнымъ упорно противиться требованіямъ общественнаго мнѣнія *).

Нужно сознаться, что общество само сдѣ-

лало въ 60-е годы капитальную ошибку, не сосредоточивъ своихъ атакъ именно противъ принципа царскаго самодержавія. И причиною этому былъ не только страхъ, — суевѣрный и реальный, — передъ царскою силою, по и ложный расчетъ, который въ нѣкоторыхъ пародическихъ кругахъ существуетъ и до сихъ поръ. Занятая главнымъ образомъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ на возможно выгодныхъ для нихъ условіяхъ и видя, что дѣйствительно царь, въ сравненіи съ придворной аристократіей, является аболіціонистомъ, — передовая часть русскаго образованнаго общества, не смотря на свое въ большинствѣ дворянское происхожденіе, поддалась мысли о томъ, что всего лучше идея освобожденія крестьянъ можетъ быть осуществлена самодержавнымъ царемъ и что представительное правленіе, по крайней мѣрѣ въ то время, организовать въ Россіи крѣпостническую олигархію *). Подобныя идеи разделяла и та разночинская часть интеллигенціи, которая съ 60-хъ годовъ стала принимать все большее участіе въ общественной жизни, особенно въ литературѣ. Само собою разумѣется, что эти идеи еще болѣе гармонировали съ настроеніемъ и интересами молодой (александровской) бюрократіи, которая вышла изъ дворянско-чиновническихъ круговъ, съ извѣстной литературной окраской, — и работала въ петербургскихъ канцеляріяхъ подъ начальствомъ болѣе или менѣе явныхъ реакціонеровъ (николаевцевъ) надъ проектами реформъ.

Теперь (хотя бы, напр., послѣ записокъ сенатора Соловьева) до очевидности ясно, что придворно-аристократическая оппозиція крестьянскому дѣлу сильна была не кѣмъ другимъ, какъ самимъ же царемъ-освободителемъ, который ее слушалъ и боялся. Мало того, — весь опытъ крестьянскаго дѣла показалъ, что царское самодержавіе не предохраняло крестьянъ не только отъ высокаго выкупа, но и отъ обрѣзки существовавшихъ до эмансипаціи надѣловъ за установленіемъ maximum'a надѣла, ни отъ Гагаринскихъ, или нищенскихъ (четвертныхъ) надѣловъ и т. п. удобствъ Положенія 19 февраля 1861 г., — которое врядъ ли бы вышло невыгоднѣе для крестьянъ даже изъ дворянскаго парламента или изъ особаго собранія изъ депутатовъ отъ дворянства и губернскихъ комитетовъ, которое проектировали въ 1859 г. крѣпостники въ родѣ Безобразовыхъ или гр. Орлова Давыдова. Вѣдь нашілись же въ губернскихъ комитетахъ дворяне защитники крестьянскихъ интересовъ. Гласность же и законность, — неизбежныя принадлежности представительнаго правленія, — охранили бы интересы крестьянъ при примѣненіи Положенія гораздо существеннѣе, чѣмъ агенты самодержавнаго царя, флигель-адъютанты и губернаторы, поровніе крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ и высылавшіе въ уѣзда Макаровы крестьянскихъ уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ народническія надежды на царя-освободителя и страхъ олигархіи при парламентаризмѣ не принесли никакой

*) Берингъ — моск. об. полиціймейстеръ, а гр. Закревскій ген. губ., на которыхъ нападалъ въ 1857 г. «Колоколъ» по поводу студенческихъ исторій.

**) Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей и адресовъ напечатаны въ извѣстномъ изданіи «Матеріалы для истор. упрздн. крѣпости. права и пр.» (Берлинъ, 1850—1861), т. II, — которое, по показанію сенат. Д. Соловьева, принадлежитъ Д. П. Хрущову, бывшему товарищу мин. госуд. им. — Ихъ очень полезно перечитать и теперь.

*) Впрочемъ, Александръ II боялся также и «черни, предводимой демагогами», и такимъ образомъ умъ самодержца, незнакомаго съ дѣйствительною жизнью страны, — колебался между страхами, почерпнутыми изъ фамиліальныхъ воспоминаній и изъ французскихъ книгъ, и не предвидѣлъ, что ему приготовила непонятая имъ реальная жизнь его страны.

*) Указанія на этотъ кругъ идей находятся въ письмѣ Бакунина, напечатанномъ въ 54—55 №№ В. Сл. Мы надѣемся представить еще интересныя документы въ такомъ же родѣ.

пользы крестьянамъ, послужили только къ раздѣленію образованныхъ классовъ въ Россіи и къ спасенію принципа царскаго произвола, который всегда въ Россіи былъ опорою притѣсненія барскаго и произвола чиновническаго. Тонкій же расчетъ подрѣзаетъ частными реформами проиловъ бюрократическій внизу, не затронувъ царскаго самодержавія наверху и даже склонивъ его самое къ уничтоженію бюрократіи, какъ элемента, раздѣляющаго населеніе отъ царя, (слова «средостѣпіе» тогда не было еще, кажется, выдуманно, — по фразеологіи на тему единенія царя съ народомъ безъ посредства бюрократіи процвѣтала и тогда въ изобилии), — былъ порванъ жизнью, какъ всё тонкости. Всѣ реформы «освободительнаго періода» правленія Александра II не только не отменили бюрократическаго произвола, ни сократили бюрократическаго вмѣшательства въ народную жизнь, но даже расширили послѣднее. Все, что сдѣлали онѣ, — ограничилось созданіемъ нѣкотораго простора и кадровъ для проявленія общественной инициативы рядомъ съ бюрократическими воздѣйствіями. И этимъ Россія обязана, главнымъ образомъ, той общественной противу бюрократической агитаціи, которая была все таки довольно сильна въ к. 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ.

Эта агитація не только подвинула правительство къ тогдашнимъ реформамъ, но заставляла его обѣщать (искренно или неискренно) и дальнѣйшія реформы, не исключая и политической. Польское движеніе, — прогрессивное и полезное, пока оно проявлялось преимущественно въ чисто польскихъ земляхъ и не перешло въ вооруженное покушеніе на земли, въ которыхъ масса народа знаетъ не хочетъ польскаго государства и даже ненавидитъ его, — служило поддержкой политическому движенію въ остальной Россіи. Подъ вліяніемъ давленія обонхъ движеній правительство дѣлало намеки на свою готовность къ политическимъ реформамъ, начиналъ съ созванія, хотя бы совѣщательнаго только, представительнаго собранія. Отвѣчая на петербургскій адресъ 17 апрѣля 1863 г., Александръ II сказалъ, что призоветъ представителей населенія къ участию въ государственной жизни, когда найдется для того благоприятный моментъ. За тѣмъ, такъ какъ о необходимости такого призванія были заявленія въ нѣкоторыхъ адресахъ, поданныхъ по поводу политическаго вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ (болѣе ясно въ адресахъ тверскомъ и костромскомъ), — то правительство тѣмъ болѣе не могло упорно стоять за statu-quo даже въ политическомъ вопросѣ. Въ 1863 г. оно созвало финляндскій сеймъ, и въ тропной рѣчи по этому поводу царь выразился сочувственно «о свободныхъ учрежденіяхъ въ рукахъ народа мудраго». Положеніе о земствѣ, судебныя уставы 1864 г., ослабленіе цензуры по правиламъ 1865 г., — были плодомъ на правленія, принятаго правительствомъ, подъ давленіемъ вышеупомянутой агитаціи. И если эти реформы — уступки были невелики, если лучшая изъ нихъ, судебная, не сопровождалась отменою тайнаго суда III-го отдѣленія, на которую намекали «Основные

Положенія о судебномъ преобразованіи», изданныя правительствомъ въ концѣ 1862 г., — то только потому, что общественная агитація въ пользу общей политической реформы не была и тогда достаточно сильною. Какъ же только и такая агитація затихла, — такъ и остановились, а затѣмъ начали подвергаться искаженію и данныя частныя реформы.

Въ слѣдующій разъ мы рассмотримъ положеніе дѣлъ, которое создалось въ Россіи во время затишья и потомъ пробужденія общественнаго толченія въ правительственную дверь.

Опроверженіе ложнаго извѣстія. Появившееся въ иностранныхъ газетахъ извѣстіе о самоубійствѣ въ Петербургѣ молодого человѣка, будто бы назначеннаго убить царя во время коронаціи, — мы имѣемъ достаточныя основанія признать вымышленнымъ.

Состояніе Н. Г. Чернышевскаго. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Намъ пришлось побывать близко около мѣстъ, гдѣ томится въ неволѣ Н. Г. Чернышевскій, приходилось говорить съ людьми знакомыми съ Н. Г. и близко къ нему представленнымъ. Думаемъ, что сообщенныя намъ свѣдѣнія о Н. Г. будутъ интересны и для русской публики. Не утѣшительныя свѣдѣнія! Живетъ Н. Г. въ г. Вилюйскѣ, Якутской области, въ особо устроенной для него тюрьмѣ, охраняемой жандармомъ и нѣсколькими козаками. Днемъ Н. Г. можетъ гулять по городу и бывать у обывателей, почевать же обязательно долженъ въ тюрьмѣ, запертой на-слухъ и охраняемой ревниво козаками и жандармомъ.

Стражники рассказываютъ, что Н. Г. не безъ странностей; — такъ, съ постели Н. Г. не встаетъ до тѣхъ поръ, пока жандармъ не скажетъ, что уже 12 ч., пора вставать; вставши, Н. Г. надѣваетъ неизмѣнный свой халатъ и онысывается такъ: привязываетъ одинъ конецъ пояса къ скобѣ двери, а другой беретъ въ руку и начинаетъ крутиться, пока не дойдетъ до скобки, тогда отвязываетъ веревку (поясъ) и связываетъ концы; — то же самое дѣлаетъ съ веревкой и мыломъ(?) во время купанья. На прогулкѣ беретъ съ дороги камешки, бросаетъ ихъ черезъ голову, а на другой день ищетъ этихъ камешковъ. Разъ шель онъ вмѣстѣ съ своимъ стражникомъ жандармомъ; Н. Г. поднялъ съ земли какого то жучка; разговорились съ жандармомъ; вдругъ Н. Г. вздохнулъ, остановился и съ сожалѣніемъ началъ говорить о томъ, что жукъ не вернется теперь на прежнее мѣсто и что необходимо отнести его; — вернулись и положили тамъ, гдѣ взяли. Лѣтомъ нѣрѣдко останавливается Н. Г. у ручейка, сдѣлаетъ маленькую гать и готовъ на этомъ мѣстѣ сидѣть цѣлый день, если бы не пришли за нимъ стражники.

Н. Г. очень мало ѣстъ и вообще замѣчательно воздержанъ въ жизни. Курить низшаго сорта табакъ. Одинъ разъ выпилъ у Н. Г. табакъ низшаго сорта. Н. Г. отправился къ своему знакомому въ городъ попросить въ займы табакъ; — знакомый предложилъ ему прекраснаго табакъ и сигары. Н. Г. пошелъ въ свою тюрьму, взялъ тамъ двѣ коробки прекраснаго табакъ еще неначатая и лежащая уже нѣсколько лѣтъ, — этимъ табаккомъ угостилъ своего знакомаго и объяснилъ, что не курить такого табакъ потому, что боится большихъ расходовъ.

Н. Г. очень много читаетъ; у него въ тюрьмѣ порядочная научная и журнальная библиотека; очень много и пишетъ, но написанное сжигаетъ и сжигаетъ потому, что нигде не позволяютъ посылать написаннаго.

До послѣдняго времени Н. Г. не позволяли

читать газетъ, такъ что занятіе это приходилось дѣлать украдкой.

Въ апрѣлѣ 1881 года мы видѣли въ Якутской почтовой конторѣ на имя Н. Г. «Порядокъ» и «Вѣстникъ Европы»; — тогда намъ говорили, что теперь разрѣшено Н. Г. читать и газеты. Само собою разумѣется, что письма и даже газеты проходятъ черезъ Якутскую, къ слову сказать, очень тупоумную цензуру.

Вотъ, главнымъ образомъ, и все, что намъ пришлось слышать о Н. Г. Еще одно. Всѣ стражники относятся съ глубочайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ Н. Г. Одинъ изъ стражниковъ, жандармъ, пробывши въ Вилюйскѣ свой годовой срокъ, пренебрегъ командировкой на золотые пріиски и попросился у своего начальства еще на годъ въ стражники къ Н. Г., съ цѣлью выучиться хорошо грамотѣ и вообще «поучиться многому у ученаго и честнаго человѣка», какъ говорилъ жандармъ.

Въ судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго очень интересенъ слѣдующій вопросъ: на какомъ основаніи, по какому закону удержатъ Н. Г. въ тюрьмѣ, по какому закону онъ лишентъ поселенческихъ правъ?

Вѣдь по закону Н. Г. имѣетъ право свободнаго прожитательства во всей Якутской области, если не во всей Восточной Сибири! Можно говорить словами просьбы о помилованіи Н. Г., по пора сказать и словами требованія о нарушеніи закона по отношенію къ Н. Г. Чернышевскому.

ДОКУМЕНТЪ ОТНОСИТЕЛЬНО ЖЕНСКИХЪ МЕДИЦИНСКИХЪ КУРСОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Отъ редакціи «В. Слова». Печатаемъ этотъ документъ потому, что онъ не былъ до сихъ поръ опубликованъ въ Россіи, хотя сущность второй его половины и появилась во многихъ русскихъ газетахъ, какъ вѣсть о томъ, какъ предполагено поступить съ жепщинами, уже окончившими эти курсы или въ нихъ зачисленными. Въ этомъ отношеніи документъ слѣдуетъ общему правилу о неотъемлемости разъ дарованныхъ правъ. Но изъ начала нашего документа можно видѣть, что образована была коммиссія, которая должна была разсмотрѣть вопросъ будущаго положенія женскихъ курсовъ, подлежащихъ упраздненію при Ник. Военномъ Госпиталѣ, — и вотъ на этотъ вопросъ бумага М. В. Д., очевидно игравшаго первую роль въ этомъ дѣлѣ, не даетъ прямого отвѣта. Въ цѣломъ своемъ видѣ эта бумага показываетъ намѣреніе замѣять вопросъ о курсахъ вопросомъ объ окончившихъ ихъ уже или принятыхъ на нихъ личностяхъ, — что не показываетъ въ авторѣ сего писанія большой мудрости даже канцелярской.

Мин. Вн. Д. Департам. Медіц. Отд. II. Столъ I. 13-го Января 1883 г. № 5. По Высочайшему повелѣнію.

Г. Военному Министру.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему журнала особаго совѣщанія по вопросу о женскомъ врачеб. образованіи, происходившаго по Высоч. повелѣнію 4 декабря 1882 года подъ моимъ предѣлительствомъ въ присутствіи Вашего Высочайшества, Министра Народн. Просвѣщ., Главн. Управляющ. С. Е. И. В. Канцеляріи по Учрежд. Императр. Маріи и Оберъ-Прокурора Св. Синода и особаго мнѣнія по сему вопросу Статс-Секретаря Грота, въ 4-ый день сего января, между прочимъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ окончившимъ и имѣющимъ окончить ученіе на существующихъ нынѣ и подлежащихъ въ силу Высочайшаго повелѣнія 5 августа 1882 года упраздненію женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ Воен. Госпиталѣ сохранить со-